

О Георге Людковском...аксакале частной русской спелеологии и хранителе медали памяти Саши Морозова.

Аксака́л (дословно — «белобородый»: от тюрк. ак — белый и сакал — борода) — глава рода, старейшина, почтенный пожилой мужчина у тюркских народов в Средней Азии и частично на Кавказе.

Аксакал (старейшина, уважаемый старец) заботился о целом ауле.

Обычно аксакалов не избирали, они были всеми признанными людьми, им доверяло население той или иной местности. Иногда бывали моменты, когда в ауле не было аксакалов. Тогда их роль выполняли **люди, достигшие сорока и более лет, являющиеся общепризнанными лидерами среди жителей аула.**

В группе спелео-группе Морозова – Усикова – Людковского, относившей себя с поступления в спелеошколу В.А. Илюхина вплоть до лета 1979 года к «частной русской спелеологии» не было принято называть Сашу Морозова лидером, как к примеру называли им Володю Антонова — лидера спелео-группы «Кристалл», разработчика техники и оборудования для спуска и подъема по стальному тросу. Однако для простоты и удобства общения с тройкой лидеров использовался термин «аксакалы». Трое аксакалов являлись постоянным ядром группы, а все примыкавшие к ней на ограниченные периоды становились просто её членами. Сложнее стало после фактического разделения аксакалов на два дружественных лагеря состоявшегося после экспедиции осени 1978 года.

Виктор Кондратьев так пояснял мне эту ситуацию: «...и в результате мы с Сашей решили больше их (Д. Усикова и Т. Немченко) не приглашать». Это решение было выполнено и больше вместе с Даниэлем Усиков ни Морозов, ни Людковский, да и вообще никто из «частных русских спелеологов» не работал. За весь последующий период только Виктор Козлов эмигрировал от Усикова в экспедицию Морозова. Такой след в истории Снежной смог оставить только «неоднозначный» Виктор Козлов (Капрал). Ну, с него-то что взять...он такой, потому что он такой... Анализировать бесполезно.

С появлением возможности организации экспедиций от ИГ АН СССР термин «Частная русская спелеология» стал неприменим и был заменён на «Большую советскую спелеологию».

Георг Людковский был человеком, вклад которого в успехи «Частной русской спелеологии» и «Большой советской спелеологии» был решающим. Разумеется, центральной фигурой этих успехов всегда являлся Саша Морозов. Однако именно Георг был тем человеком, возможности и связи которого обеспечили победу «Частной русской спелеологии» как идеологии развития отечественного спелеологического движения. В результате его активного содействия была получена действенная поддержка исследований в Снежной со стороны самого высокого руководства АН СССР, её Президента в 1975 – 1986 годах Анатолия Петровича Александрова и Вице-президента АН СССР, председателя секции наук о Земле Президиума АН Александра Васильевича Сидоренко.

Помощь со стороны АН СССР была обусловлена тем обстоятельством что сын Георга Владимировича являлся одновременно внуком Президента АН СССР. И это уникальное в истории отечественной спелеологии обстоятельство было использовано Георгом Владимировичем с максимальной пользой для дела, которому он, Саша, Данила и другие «частные русские спелеологи» посвятили свои лучшие годы.

Разумеется помощь оказанная путем организации проведения научных работ Института Географии АН СССР в пещере Снежная была обусловлена их решающим успехом 1977 года — прохождением 5-го завала в пещере Снежная и затем последовательным достижением в ней всё более рекордных глубин.

Проведение дальнейшего исследования пещеры Снежная в составе экспедиций ИГ АН СССР позволило противостоять беспрецедентному давлению В.В. Илюхина на коллектив её первопроходцев. А после прорыва организованной им информационной блокады «частная русская спелеология» выиграла короткую схватку с официальным спелеотуризмом и затем все нелегальные команды спелеологов на законных основаниях влились уже в Большую Советскую спелеологию.

Без поддержки тестя Людковского лето 1979 года стало бы триумфом В.В. Илюхина и можно только догадываться насколько вследствие этого события задержалось развитие спелеологических исследований в глубоких пещерах СССР.

Но существенная поддержка со стороны могущественного родственника не являлась его самым значительным вкладом в спелеологическую победу группы Морозова над Снежной. Гораздо более серьёзный вклад в их успех Георг внёс как катализатор Сашиных усилий по разработке новых средств и методов спелеопутешествий. Они учились в одной школе, но сдружились уже после её окончания и вплоть до гибели Саши в 1985 году он оставался для него другом и примером для подражания.

Именно Георг подтолкнул Сашу к чтению книг о гималайских экспедициях и при его деятельном участии родилась основная идея Морозова-Людковского о смене парадигмы спелеопутешествий под землёй. Образцом для них стал так называемый «осадный» альпинизм, то есть когда для получения окончательного успеха под землёй необходимо проведение цикла экспедиций «гималайского» типа.

В отличие от культивируемой в среде официальных спелеологов идеи «штурма» пещер Саша и Георг постепенно разрабатывали революционные для того времени новации в прохождении глубоких пещер. Вероятно именно восхитившись их новыми идеями примкнул к ним и Даниэль Усиков, с 1963 года одновременно вместе с ними покинувший Илюхина в 1966 году и ранее работавший в Крыму с Дублянским с 1963 года.

Предварительная заброска, формирование однотипных транспортных модулей, комфортные промежуточные лагеря для полноценного отдыха и многое другое они заимствовали из альпинизма и при этом серьёзно адаптировали снаряжение и методы его использования к подземным условиям.

Несколько лет наблюдая их взаимоотношения Саши и Георга могу присягнуть — Георг был для Саши как-бы старшим товарищем в вопросах стратегии и требующих дипломатических усилий для их решения. При этом Саша иногда ворчал на Георга — ругаясь что иногда тот бывает уж слишком важным, просто до противности.

Надо сказать, что Сашина оценка была отчасти справедлива. Помню, что когда вертолёт высадил Георга у входа в Снежную, то его сопровождал вниз в пещеру Булат Мавлюдов, принятый незадолго до того в ИГ АН СССР именно по его протекции. Наверху тогда оставался экспедиционный рабочий Саша у которого сильно болел зуб. По его словам Георг вышел из вертолёта в своём знаменитом черном кожаном пальто и спросил их с Булатом — какие есть проблемы? Булат пожаловался что давно не было связи с нами из Университетского зала. «Наладим» — кратко ободрил его Георг. Ну а Саша сразу пожаловался — зуб сильно болит. «Вылечим» — также кратко резюмировал Георг его жалобу. И дал Саше вместо вертолета в Дурипш волшебный пузырек, снявший его боль на все оставшиеся 3 месяца его сидения у Снежной.

После всего этого Георг переоделся и вместе с Булатом они стали спускаться к нам в Университетский. Где мы лежа в палатке наслаждались хорошо слышными диалогами между ними. Только на «Вы» и ни одного даже

просто бранного слова... С желтого уступа у них рухнул мешок с новогодним шампанским, так даже такое горестное событие не смогло прервать поток их взаимных политесов...

Это был единственный раз когда я пересекся под землёй с Георгом. Мы тогда поболтали и стали выходить наверх, а Георг с Булатом пошли в Победу встречаться с Сашей Морозовым, Севой Ещенко и Ромой Хуббихиным.

В ту экспедицию они достигли зала Х и открыли зал Пенелопы, названный по предложению Севы Ещенко в честь всех терпеливых жен спелеологов экспедиции.

Георг же после этой экспедиции больше в пещеры не ездил. Достоинно завершил свою спелеологическую карьеру участием в самой продолжительной экспедиции в Снежную с первопрохождением уже второй тогда по глубине пещеры мира.

В те годы Георг был для ценен для Саши Морозова и всем нам не только как спелеолог или как человек с очень полезными для спелеодвижения связями. Наряду с этим обстоятельством Георг умел как никто четко и ясно излагать мысли и идеи, созвучные большинству спелеологов. Так как он был очень хорошо образованным человеком, то умел очень ярко и точно описывать проблемы и предлагаемые пути их решения.

Первым серьёзным публичным текстом написанным с его деятельным участием было так называемое [«Письмо 3-х»](#) — открытое письмо-призыв группы Морозова-Усикова-Людковского к спелеологам страны с призывом положить конец порочной практике официального спелеотуризма в формате В.В. Илюхина. Этот документ оказал сильнейшее воздействие на ход реформации спелеодвижения и в итоге привел к бурному росту количества первопрохождений в глубоких и сверхглубоких пещерах страны. В ряды официальных (легальных) спелеотуристов влились многие сотни ранее не имеющих официального статуса активистов спелеодвижения.

После длительного периода пассивности в жизни спелеосообщества, в 2001 году Георг принял активное участие в реализации проекта, придуманной мною медали памяти его близкого друга Саши Морозова «За успехи в спелеологии». По его рекомендации я расширил круг её учредителей до 17 человек. Так вышло из-за того, что по совету Георга я делегировал права на формирование этого списка Аркадию Иванову и Татьяне Немченко. Вот так попали в учредители люди, присутствие там которых вызывало вопросы, и не попали те, которые бы таких вопросов не вызывали бы.

Зато в принципиальных вопросах самих награждений Георг оказался хорошим советчиком. Практически все награждения периода 2001-2005 годов проведены по его советам. Например, именно он первым предложил награждение Михаила Зверева и Александра Ефремова.

В 2006 он согласился на временную передачу права «наградать» комиссии по спелеологии и карстоведению и спелеологии московского центра РГО. При этом он учитывал тот факт, что комиссию возглавляет Булат Мавлюдов, лично ему обязанный распределением после окончания географического факультета МГУ в Институт географии АН СССР — на тот момент лучшим учреждением для построения научной карьеры географа. Поэтому он вполне обоснованно предположил что сможет рассчитывать на лояльность с его стороны в организационных и технических вопросах связанных с передачей права награждения медалью в его комиссию.

К сожалению во время моего отсутствия в России с 2006 по 2011 годы комиссия Мавлюдова-Шелепина ни разу не вручила медали с соблюдением тех несложных правил, которые они были обязаны соблюдать — альтернативный выбор номинантов, публичное их обсуждение и затем открытое голосование на заседании комиссии под видеозапись и оформление его официального протокола.

После моего возвращения ситуация с проведением награждений медалью продолжала ухудшаться и в 2018 году совместно с Георгом был выработан список претензий:

- многолетние паузы между вручений медалей в индивидуальной номинации;
- отсутствие коллегиальности в решениях о награждениях;

- игнорирование пожелания учредителей по документированию процесса отбора лауреатов медали;
- неполное медийное освещение мероприятий по вручению медалей;
- прекращение актуализации контента официального сайта комиссии, оплачиваемого общественными средствами;
- прекращение ведения англоязычного перечня названий докладов на заседаниях комиссии;
- значительные странности в выборе отдельных кандидатур на звание лауреатов медали;
- неоднократное нарушение решения учредителей о запрете предоставления учредителям медали статуса ее лауреатов;
- низкая посещаемость заседаний комиссии;
- уменьшившееся количество как докладов, так и докладчиков;
- общий упадок в деятельности комиссии.

Однако его предъявление в 2018 году в приватном порядке Булату Мавлюдову вызвало у него неадекватную реакцию. Вместо того чтобы тщательно обдумать ситуацию и оценить преимущества сделанного предложения он предпочел публично попросить защиты от агрессии в свой адрес. Хотя никакой агрессии не было, а была почти 4-х часовая беседа А. Пильского с Б. Мавлюдовым. Спокойная беседа в которой Булату в обмен на эффективное содействие было обещано такое же эффективное содействие в проведение защиты вожделенной им докторской диссертации. В обмен ему предлагалось вывести А. Шелепина из руководства комиссии и одновременно тихо-мирно вернуть украденный Владимиром Андрусенко тираж медалей их законному хранителю — Георгу Людковскому.

Разумеется предложение по защите диссертации было на тот момент совершенно реальным. Не буду раскрывать все тайны этого деликатного процесса, скажу только что у нас на тот момент существовала возможность получить деятельное содействие от лиц, авторитет которых в мире наук о земле признается практически абсолютным. Булат ведь не мог защититься вследствие опасений старших товарищей, что в случае резкого повышения его научного статуса также резко вспыхнут его амбиции и другие, также имеющие негативное окрашивание, качества. Не надо забывать также, что по его же словам сказанным во время той же беседы несколько раз сотрудники ИГАН носили директору института академику Котлякову письма с просьбой убрать Булата Мавлюдова из института, но... По его же словам — Котляков вспоминал кто просил принять Мавлюдова в ИГАН и поэтому спускал эти просьбы на тормозах...

Вся эта история с воровством медалей совершенным абсолютно подлым образом с помощью наглого вранья, сильно подкосила Георга. Поведение «поднятого» мной по его словам «валяющегося на дороге без нормальных спутников» А. Шелепина и Б. Мавлюдова потрясло Георга. В его систему ценностей их поведение не то чтобы не вписывалось — оно было ему омерзительно.

Именно в ответ на возмущение Георга я инициировал формирование Совета медали. После его создания Георг самым активным образом включился в его работу. Он деятельно участвовал в выработке его нормативной базы и базовых принципов его работы. Далек не все из его весьма радикальных предложений были реализованы в его работе. Однако базовый принцип верификации результатов голосования т.е. отсутствие возможности проведения махинаций при голосовании разрабатывался при его деятельном участии.

Результатом рейдерского захвата тиража медалей группой Шелепина при деятельном участии Андрусенко, Немченко, Иванова стало появление открытого письма Георга Людковского спелеологам РФ о произошедшем с требованием вернуть украденные медали, своё письмо он назвал так — [«Шелепиниада»](#).

Увы, стыдно персонажам этой «Шелепиниады» не стало... Обокрасть пожилого человека, личные качества которого позволили нам всем стать теми кто мы есть, оказалось легко и стыдиться этого персонажи из его открытого письма не стали. Мало того, образовался целый клубок выгодоприобретателей медалей. Они начали вручать теперь уже вообще непонятно от кого медали просто так без какого-либо соблюдения принципов вручения, определенных учредителями в 2001 году. А скажем госпожа Немченко умудрилась 2 раза стать

её лауреатом в групповой номинации за талант оказаться рядом с теми кто что-то такое важное первопроходили. Смущение Тане неведомо... как впрочем и всей её компании, пригревшейся вокруг МГО РГО.

Конечно же Георг воспринимал всю эту вакханалию темных сил очень обострённо... Думаю что эти негативные эмоции намного сократили его жизнь. Я пытался как-то лавировать между его и ряда других моих товарищей желанием разобраться с Шелепинско – Усиковской компанией по строгим нормам нашего УК РФ и пониманием что при развитии такого хода мы неизбежно нагрузим психику Георга совершенно недопустимым образом.

Неизбежные при таком развитии следственные действия станут очень серьёзной эмоциональной нагрузкой. Поясню: проблема состояла в том, что как только правоохранители начали проверку вылез бы Андрусенко с утверждением что дескать — да, приезжал к Георгу, да, взял несколько медалей и они уже «израсходованы». А если медалей нет, то пусть Георг Владимирович припомнит куда он их запрятал или под какой яблоней закопал... А Андрусенко и Шелепин вообще ни при чём. Георг понимал эту ситуацию и понимал что его доверчивость стали причиной этой проблемы. Он понимал, что поскольку не догадался тогда составит Акт передачи этих медалей, то теперь доказать что Андрусенко стащил их все будет крайне затруднительно и что благодаря своей беспечности он позволил всей этой публике посмеиваться над ним и над всеми нами.

Ситуацию до поры до времени спасало только то что я предусмотрительно оставил у себя немного медалей. И как выяснилось очень не зря я это сделал.

Эта ситуация безнадежности законного пути изъятия медалей у воров разрешилась 19 декабря 2019 года. Когда Шелепин публично и на камеру рассказал, что 41 медаль «хранилась» в их комиссии... С этого момента все объяснения что Андрусенко взял только чуть-чуть медалей «на первое время» становятся несостоятельными. Георг был в курсе произошедшего и стал мягко подталкивать меня в направлении правоохранительной системы. Я сопротивлялся под разными благовидными предложениями. Хотя предлог был один. Мы всегда вели длинные разговоры и я стал замечать что у Георга развивается сильная отдышка. В состоянии покоя! Что в его возрасте является достаточно грозным симптомом. Поэтому я просто испугался что могу оказаться косвенным виновником в возникновении у него серьезных медицинских проблем. В том числе и по этим соображениям мы попросили Георга ещё в начале 2020 года отказаться от рассылки его [публичного письма к Андрусенко](#). Сейчас, после смерти Георга оно уже опубликовано и как мы и говорили ему тогда — никто отвечать на него не стал, а поэтому и ему не стоило «метать бисер перед свиньями».

Тем не менее после «признания» Шелепина Георг мог вздохнуть с облегчением — накладных и/или приемосдаточного акта нет? Но зато есть показания данные на телекамеру в публичном мете всем присутствующим в зале. Обвинение его во лжи стало со стороны Андрусенко уже невозможным!

Я-то вполне обоснованно полагаю, что реальной целью этих Шелепинских откровений была попытка замаскировать картину хищения: то есть скрыть действительное количество медалей, попавших к ним в руки и количество мраморных подставок к ним. Дело в том, что по имеющимся от ряда лиц предположениям количество этих подставок сильно не совпадает с количеством медалей. Они являются хорошим и дорогим подарочным сувениром так как очень удобны в качестве подставки под смартфоны. Эти мраморные подставки я придумал и заказал значительно позже изготовления медалей и практически самостоятельно на собственные деньги. Кстати, стоимость их тиража была сравнима со стоимостью тиража самих медалей. У меня в записях остались сведения, что кроме меня за них платил только Иванов. Да и то какие-то символические деньги, поскольку что-то ему в тот момент от меня было нужно... Вот я его в ответ и напряг на какую-то малость.

После признания Шелепина в получении всего тиража мы решили притормозить процесс отбора у него этих украденных медалей до завершения процесса первой номинации в образованном нами Совете медали. А она закончилась только 12.11.2021, вручением медали второму лауреату номинации 2019 года.

А уже через 4 месяца и 23 дня Георг Владимирович Людковский скончался так и не дождавшись возвращения так ценимых им медалей памяти его ближайшего друга со времён их юности.

Надо сказать что вся эта история больнее всего ударила по Георгу Владимировичу. Поведение Шелепина, Андрусенко, Немченко и Усикова вкупе из негодьями более мелкого пошиба до сих пор представляется мне какой-то чёрной фантастикой. У меня в голове не укладывается — как можно настолько не уважать себя, чтобы с наслаждением втапывать в грязь память о людях, позволивших им «выбиться в люди».

Одно радует меня в этой истории — Саша Морозов, Георг Лютковский и еще многие их почитатели всё-таки одержали победу над этими завистникам. Память о Морозове им стереть не удалось! Принизить его пошлыми рассказами о его как-бы слабостях у них тоже не вышло.

Совсем ведь всё получилось наоборот — в полном соответствии с поговоркой: «скажи мне кто твой враг и скажу кто ты». И это всё-таки даёт какую-то надежду, что не только из Шелепиных, Андрусенко и прочих небрезгливых спелеологов со значительно сниженным уровнем социальной ответственности состоит наше спелео-сообщество.

Добрая же и светлая память о Саше Морозове в итоге только выиграла в результате всей этой некрасивой истории.

Андрей Пильский, июль 2024, Москва